

Шэнь Юйхэн никогда не думал, что однажды ему придется отбирать наложниц — пусть даже он всего лишь помогал Сяо Хуаю. Он выбирал с крайней осторожностью, взвешивая внешность и происхождение семей, однако Император казался совершенно равнодушным. Число отобранных наложниц намного превосходило показатели прошлых лет. Видя радостные лица выбранных девушек, Шэнь Юйхэн лишь глубже погружался в тревогу.

Весенний отбор длился десять дней. В день, когда они вошли во дворец, избранные кандидатки хлынули сквозь киноварные стены, с широко раскрытыми глазами и любопытством озираясь по сторонам. Переодевшись в свои дворцовые платья, они были препровождены в Зал Высшей Гармонии. Зал, каким бы просторным он ни был, казался тесным от обилия красавиц в их парадных нарядах.

Вкусы Сяо Хуая были непредсказуемы. Здесь были и тихие, утонченные девушки, и статные, грациозные — был представлен любой тип красоты. Под карнизами крыш маленькие евнухи перешептывались между собой.

— Столько людей... куда только дворец их расселит?

— Император настоял. Что тут поделаешь? Строятся новые залы и башни. Кто знает, доживет ли он вообще до того дня, когда их закончат...

Другой евнух опустил голову и принялся яростно шикать на него, призывая замолчать. Хотя Сяо Хуай никогда не говорил о своем здоровье, всем было очевидно, что с каждым днем он слабеет. Ему осталось недолго. В то время как министров мало заботили новые наложницы, они были одержимы тем, кто унаследует трон: Сяо Цзинь или затаившийся Сяо Ци, который, скорее всего, готовился устроить переворот.

В зале, наполненном красавицами, на самой периферии сидели несколько мужчин, выглядевших совершенно не к месту. Они обменивались неловкими взглядами.

— Из какой ты семьи? — спросил один.

— Я из уезда Суй; мой отец — уездный магистрат...

Услышав, что в этом году у мужчин есть шанс, их семьи прислали их сюда. Мужчин подало заявки очень мало, и требования к ним были гораздо строже, чем к женщинам; в конечном счете остались лишь эти немногие. Они испытывали странное ощущение, хотя и не могли определить, что именно было не так.

— Его Величество прибывает! — раздался пронзительный голос главного евнуха. Все опустили на колени в приветствии.

— Встаньте.

Сяо Хуай сел и тихо вздохнул, словно эти несколько шагов истощили его силы. Шэнь Юйхэн сидел рядом с ним на том же кресле, создавая видимость близости, однако выражение его лица выдавало глубокую тревогу. Новые наложницы были удивлены, увидев мужчину подле Императора, но, заметив его обеспокоенный хмурый вид, ощутили мимолетную гордость. Поговаривают, Император без ума от юных красавиц; разве можем мы проиграть какому-то мужчине?

Однако, когда другие наложники-мужчины увидели лицо Шэнь Юйхэна, их сердца неистово екнули. В одно мгновение они поняли то странное ощущение, что преследовало их раньше.

На драконьем троне Сяо Хуай посмотрел на пораженных наложников и удовлетворенно улыбнулся. Его рука слегка опустилась на плечо Шэнь Юйхэна.

— Взгляни на них. Разве они не похожи на тебя?

Шэнь Юйхэн посмотрел на них, приоткрыв губы, словно собирался что-то сказать, но смолчал. На губах Сяо Хуая заиграла улыбка.

— У того, что слева, рот совсем как твой. У того, что справа — твои глаза, — его голос был хриплым, а дыхание холодным. — Я нашел их занятыми и захотел, чтобы ты взглянул.

Губа Шэнь Юйхэна дрогнула. Он ничего не ответил и не улыбнулся.

Сяо Хуай посмотрел на море прекрасных лиц.

— Неужели и супруг Шэнь считает меня неразумным правителем?

— Этот раб не посмел бы.

Сяо Хуай открыл рот, чтобы сказать что-то еще, но рука на плече Шэнь Юйхэна вдруг соскользнула, и всё его тело повалилось вниз.

— Ваше Величество!

Шэнь Юйхэн поспешил поддержать его. Фан Цин быстро шагнул вперед, загораживая обзор потрясенной толпе.

— Ваше Величество, пора возвращаться в Зал Духовного Развития для отдыха.

Сяо Хуай закрыл глаза, обхватив лоб руками, и с трудом выдавил единственное слово:

— Хорошо.

Шэнь Юйхэн помог ему подняться. Император был высоким и костлявым; несмотря на то что стояла весна, его изможденное тело было укутано в тяжелые одежды. Он двигался подобно рушащейся горе — медленно и с огромным трудом.

В зале новые наложницы зашумели. Сяо Хуай ушел, так и не наделив их титулами и не распределив по покоям. Но это было не самым страшным. Здоровье Императора ухудшилось до такой степени... В Великой Чжоу существовала традиция погребальных жертвоприношений; и если раньше жертв выбирал сам Император, то теперь выбрать могли кого угодно. Они только-только вошли во дворец, но уже столкнулись с подобной участью. Многие разрыдались, пока их уводили.

Шэнь Юйхэн остался с Сяо Хуаем в Зале Духовного Развития, наблюдая, как тот погружается в глубокий сон. Лицо, которое всегда наводило на него ужас, теперь было бледным и хрупким, губы — обескровленными. Его дыхание было настолько поверхностным, что казалось, он вот-вот возникнет ощущение, будто он исчезнет в любую секунду. Только тогда Шэнь Юйхэн осознал, что этот человек не был демоном — он был всего лишь смертным на пороге смерти.

Когда он поднялся, собираясь уходить, евнух Фан остановил его.

— Супруг Шэнь, — легкомысленно произнес он. — Поздравляю. Сегодня вечером Его Величество перевернул вашу табличку.

Шэнь Юйхэн был ошеломлен.

— Император в таком состоянии; зачем он всё еще призывает наложниц?

— Я пытался отговорить его, но... эх, — евнух Фан покачал головой. — Если у Супруга нет других дел, пожалуйста, оставайтесь здесь.

Из-за столь большого количества новоприбывших не хватало даже носильщиков паланкинов. Шэнь Юйхэн вздохнул и вернулся в зал.

Система была в замешательстве:

□Зачем он переворачивает таблички сейчас? Он не в том состоянии, чтобы... ну, желание есть, а возможности нет, верно?□

Шэнь Юйхэн покачал головой. Человек, находящийся при смерти, всегда хочет использовать последние крохи сил, чтобы ухватиться за что-то яркое и живое — за то, что является полной противоположностью его собственной участи. Все эти юноши и девушки были приведены лишь для того, чтобы Сяо Хуай мог посмотреть на них.

□Не бойся, Хост. Как только Сяо Цзинь взойдет на престол... всё закончится!□

— Верно.

Пока Сяо Цзинь сдерживал обещание, семья Шэнь была в безопасности. Но Сяо Ци всё еще не был найден. Поиски длились три дня и три ночи, но его лагерь так и не обнаружили. Наемники, которых он нанял, были жестокими, жадными и хитрыми. Шэнь Юйхэн каждую ночь беспокоился за свою семью и с трудом засыпал.

К счастью, «странное ощущение» по ночам больше не возвращалось. Последние несколько ночей Сяо Цзинь оставался в зале Цинчжоу, чтобы нести стражу, и Шэнь Юйхэна не мучили кошмары. Похоже, всё действительно было так, как говорил Сяо Цзинь.

И всё же, шло время, и подозрения Шэнь Юйхэна росли. Действительно ли те ночные происшествия были делом рук Сяо Хуая? Он ведь был так болен в то время. У него не было доказательств, но каждый раз, когда Сяо Цзинь называл его «матушкой-супругой», он ощущал смутное дежавю. Ему казалось, будто он уже слышал в темноте голос, смакующий эти два слова с глубокой, затаенной ненавистью.

Очнувшись, Сяо Хуай почувствовал себя немного лучше. Он велел евнуху Фану:

— Принеси тот кувшин вина.

Фан Цин замер, в его глазах промелькнула вспышка шока, когда он перевел взгляд с Императора на Супруга. Старый евнух поспешно удалился.

— Какое вино? — спросил Шэнь Юйхэн.

Мужчина улыбнулся, сказав лишь, что это прекрасное вино. Он смотрел на Шэнь Юйхэна с той же отеческой нежностью, словно любовался прекрасным цветком. Ладони Шэнь Юйхэна покрылись испариной.

Фан Цин вернулся с кувшином и единственной чашей. Сяо Хуай лично налил прозрачную ароматную жидкость и протянул ее Шэнь Юйхэну.

Рука Шэнь Юйхэна задрожала, и он отступил назад.

— ...Почему Ваше Величество не пьет сам?

Сяо Хуай улыбнулся, но ничего не сказал.

«Он хочет сделать меня погребальной жертвой». Весь страх и подозрения Шэнь Юйхэна взорвались в это мгновение. Он повернулся, чтобы бежать, но Фан Цин был наготове. Сила старого евнуха была невероятной; он мгновенно прижал Шэнь Юйхэна к полу и связал ему руки.

Глядя на сопротивляющегося мужчину, Сяо Хуай осторожно приподнял его подбородок.

— Не бойся, — его глаза были похожи на иссиня-черные бездны. — Пройдет совсем немного времени, и я присоединюсь к тебе.

Шэнь Юйхэн стиснул зубы, но Сяо Хуай силой раскрыл ему рот и втиснул чашу внутрь. Теплая, жгучая жидкость потекла по его горлу; он пытался выплюнуть ее, но его челюсть крепко сжимали до тех пор, пока не была проглочена последняя капля.

Фан Цин удалился, когда Шэнь Юйхэна уложили на постель. Снадобье в вине подействовало быстро: ладони взмокли, а внизу живота разгорелся пожар.

Сяо Хуай ждал, когда подействует яд. Но Шэнь Юйхэн не был похож на остальных. Он не умер в мучительных судорогах. Вместо этого на его бледной коже проступил странный румянец, тело стало лихорадочно горячим, и он начал беспокойно ворочаться, сменяя одежду.

Коснувшись влажного, пылающего лба Шэнь Юйхэна, Сяо Хуай вдруг рассмеялся.

— Снова то же самое... — пробормотал он, поглаживая лицо мужчины со смесью жалости и скорби. — Я не хотел, чтобы всё было так.

Резкая вспышка боли.

Капля крови выступила на тыльной стороне бледной руки Сяо Хуая там, где Шэнь Юйхэн укусил его. Шэнь Юйхэн яростно, со жгучей ненавистью смотрел на него, отказываясь разжимать зубы.

Он боялся Сяо Хуая, поэтому был покорен; он служил ему как верный подданный и супруг. Он думал, что это уберезет его, но этот человек желал его смерти. Глаза Шэнь Юйхэна на мгновение прояснились, прежде чем снова потерять фокус. Сяо Хуай отнял свою искусанную руку, оставив глубокий окровавленный след от зубов на костяшке пальца, и разгладил волосы на лбу мужчины.

Сознание Шэнь Юйхэна угасало. Вещество в вине ощущалось как огненная змея, скользящая по его телу в поисках выхода.

Так жарко.

Он не знал, сколько прошло времени. Он очнулся в сильной лихорадке, его разум всё еще был затянута трясина. Ему потребовалось время, чтобы вспомнить, что произошло перед тем, как он потерял сознание. «Я не умер. Сяо Хуай отпустил меня?» Узнать это было невозможно. Его дыхание становилось всё более прерывистым. Он чувствовал себя так, словно тонул, и изо всех

сил вцепился в человека перед собой. Внутри него полыхал огонь, выжигая последние крупницы логики.

Раздраженное «Тц» донеслось сверху. Голос был намного моложе, чем у Сяо Хуая — чистый и приятный, но наполненный сильным раздражением. Шэнь Юйхэн слегка приоткрыл глаза и понял, что его несут на руках, а его голова покоится на чужой груди. Он не знал, кто это и куда они направляются. Их кожа соприкасалась, разделенная лишь тонким слоем одежды. Он попытался отстраниться, но человек снова издал резкое «Тц».

Лунный свет был холодным.

Мгновение спустя, со скрипом, весь свет исчез. Его внесли в совершенно темную комнату, наполненную знакомым ароматом благовоний. Шэнь Юйхэн поднял взгляд и встретился с парой глаз — знакомых, но горевших такой неистовой интенсивностью, что их было не узнать.

Он увидел, как шевельнулись губы этого человека, глухо и низко прорычав два слова:

— ...Матушка-супруга.

<http://bllate.org/book/17965/1728771>